

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Теория на практике: «Посмотри, ее губы»: мягкость голоса, построение образа в «Короле Лире»

Цель: проанализировать литературные особенности XX века, сопоставляя риторические традиции; изложить художественные приемы построения литературных характеров «Короля Лира».

Основные идеи:

- Анализ литературных особенностей XX века.
- Майкл Холахан о литературном характере в «Короле Лире».
- Голос как прием построения персонажа.

Ключевые сочетания: моральные и миметические конструкции, риторические элементы литературных приемов, драматический резонанс.

В данной лекции мы познакомим вас с Майклом Холаханом, преподавателем английского языка из Южного методического университета. Он изучает английскую литературу эпохи Возрождения и ее принадлежность к классическому прошлому. Если ранее объектом его исследований были драмы Шекспира, то сейчас, расширяя свои интересы, он включил в перечень анализируемых произведений романы от Остина до Генри Джеймса и Л. П. Хартли.

«Слабые и спящие чувства должны быть пробуждены громом и небесным огнем. Но голос красоты мягок: он проникает лишь в разбуженные души» (Фридрих Ницше, «Книга для всех и ни для кого», перевод Вальтера Кауфманна, Нью-Йорк: Современная библиотека, 1995 г., 93-стр.). Таким эпиграфом начинается работа Майкла Холахана, проясняя направление авторских суждений. По словам ученого, анализ литературных особенностей XX века был довольно жестким. Поствикторианские особенности, а именно скептицизм этого века с моральными и миметическими конструкциями, не привлекали особого внимания исследователей. Новая критика была озабочена более тонкими фигурами образности и остроумия, находя интересными парадоксальные структуры иронического тона. Критика же мифа включала в себя более мощный архетип. Деконструктивизм, новый историзм и связанные с ним специальности постструктуралистской критики рассматривали очевидно образную конструкцию с особым подозрением. Это казалось существенным для эссенциалистских представлений себя. В результате эссенциализм (от латинского «сущность») как теоретическая и философская установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств, рассматривался в совокупности этих фигуральных измерений. Эссенциализм понимался и как «концепция, предполагающая, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя узреть напрямую, и для нас важна именно эта скрытая сущность».

Такой подход утверждал поверхностный морализм и здравую психологию, в то время как все остальное относилось к риторике, к примеру, этос и пафос были основой просопографии, т. е. специальной исторической дисциплины, изучающей биографию исторических лиц, относящихся к определённой эпохе или местности и имевших общие политические, социальные или этнические черты, занимавших определённую должность. В качестве примера приведем следующие обозначения: «сторонники Помпея», «сенаторы в эпоху династии Юлиев-Клавдиев», «делегаты-рабочие на I съезде Советов СССР», «декабристы», «персы в Римской империи», «белые офицеры Российской армии адмирала А. В. Колчака», «иностранные специалисты в СССР 1920–30-х годов».

Тем не менее искусственный характер не был постмодернистским открытием. Это понятие имеет центральное значение для большинства риторических традиций. Оно не влечет сжатия характера до риторики. В драме проблема спорная: там истина воспринимается с помощью персонажа, сознательно создавая почву доверия или недоверия зрителей. Следует добавить, что исключение недоверия не означает быть доверчивым. Как литературное создание, состоящее из риторических элементов, персонаж может проявлять своеобразную настойчивость в литературной практике и критике. Идея, что литературный характер может оставаться одним из удовольствий, которые мы ищем в тексте, может быть проверена с помощью описаний характера, как, к примеру, в «Короле Лире». Использование специфических конструкций,

не характеризующих непосредственно персонаж, в действительности представляет собой драматизацию значений в пьесе. Искусно сочетаются различные узлы литературных конструкций. Например, маскировка пьесы, кажется, выставляет напоказ узловые интервалы, привлекая внимание к персонажу, от одежды до всего остального. Другой пример, когда один из центральных, по мнению автора, реконфигурирующих персонажей, включает высказывание другого, сопоставляя и объединяя две разные фигуры. Так рассматриваются отдельные части произведений: одна часть в речи с «чем-то еще», другая – «без дыхания» все. Интервал сводится к едва заметному пространству между речью и тишиной. Подчеркивается его отсутствие между данным голосом и вызываемым голосом. Топосы (общие места) речи, голоса и дыхания раскрывают неопределенное пространство между героями и предлагают некоторые моральные аргументы признания, которые возникают внутри него. Эти аргументы простираются от признаний драматического характера до признаний в литературной рефлексии.

В данном эссе представлена интерпретация ценностей Корделии и финальное отношение Лира к этим ценностям в последнем слове над ее телом. Авторский интерес вызывают отношения между героями, которые создаются в последние моменты, перед смертью. Отмечается прием эстетического завершения. Литератор раскрывает значение Корделии с помощью ее мягкого голоса и губ, красных, как вишни, связывая эти описания с последней речью Лира: «Посмотрите на нее, посмотрите на ее губы».

Автором анализируются вопросы постоянства в канве перемен в умирающем Эдмунде, с позиций перемен в Лире. В авторском понимании Лир меняется, ища и подражая мягкому голосу Корделии. Изменения его характера предстают не только как развитие внутренней глубины, но и как обретенное отношение к другому персонажу. В результате характер развивается не как формация вокруг пустоты, а как прогрессивное разграничение пространств между отдельными фигурами на сцене и за ее пределами. Нестабильность в этом случае не является препятствием. Она рассматривается как основа для различных смысловых эффектов. Цель Майкла Холахана – подчеркнуть эту интерпретацию, придерживаясь теоретического положения о субъектности. Это означает, что для обрисовки героя встроены полосы, помогающие раскрыть смысл, ценность пустоты для понимания субъектности. Учитывая, что персонаж не представлен ничем кроме знаков на странице, запускаются тихие, не услышанные доводы. Данное утверждение не столько теоретизированное возражение против характера, сколько уклонение от сокращения вопросов о значениях (и знаниях), создаваемых в словесном конструировании. В противовес указанному редуکتивному поиску автор пытается представить в речи Лира о мертвой Корделии дискурс, драматичный по своему характеру и этичный по факту суждения о ценностях. Литератор обосновывает свою цель не как теоретическую защиту литературного характера, а, скорее, как проверку возможности анализа традиционных литературных построений в аспекте необычных конструкций. Таким образом, формулируются закономерности достигнутых связей больше, нежели развитых контекстов.

Идея автора заключается в возможности отделения субъективности от исключительной внутренней идентификации, прилагая ее к формам этического восприятия и противопоставляя категорическому объяснению. Литератор пишет: «Я стремлюсь к описанию характера этической ценности и перспективных форм. Они переплетают разные языки в «антропологию» перемен Лира. Его характер завершен, он определяется смертью и близостью окончательного момента в пьесе сквозь изменения и построения, которые происходят с другими персонажами. Наблюдается антитеза к маскировке, когда Лир становится похожим на свою дочь, или, точнее, в те самые короткие драматические моменты, когда вторит ее голосу. Это условный, тангенциальный (направленный по касательной в выбранной точке к какой-либо выбранной кривой плоскости) инструмент, хотя настолько значительный, что вполне может ускользнуть от тончайших суровостей теории. То есть, предположения теоретического скептицизма могут быть не лучшим способом распознавания кратких и тонких моментов заключения в «Короле Лире». Моральный запрос с его заботой о конкретном характере порой лучше представляет те качества, которые вызывают, формируют и озадачивают наше внимание».

Такой случай краткости и деликатности приобретает драматический резонанс в рамках большой архитектоники, которая постоянно перекликается глазами и голосами образов, тем и

ситуаций. Отец находит себя с помощью своего ребенка, потому что голос этой младшей дочери уже научил его воссоздавать определенные связи на фоне развала сомнений. Достижения в Акте 5 зависят от обмена в Акте 4, где бедный грешник, когда-то король, уже не претендует ни на что, кроме имени своего ребенка. Тем не менее, утверждает автор, его слабость находит компенсацию в немедленном ответе Корделии, поскольку она без сомнений размышляет о разнице между смехом и нежным признанием.

Автор полагает, что эффективная краткость, рассмотренная Эразмом, «настолько полна смысла, что гораздо больше понимается, чем слышится». Краткость этой дамы/ребенка является хорошим подтверждением двух ее качеств – простоты и уверенности. Все это вкупе составляет ее «Я», в мягкой реверберации идентифицируя ее семейные отношения и собственное имя. Утверждая свой образ, она подтверждает и образ оскорбленного «человека», отца и короля, который прошел через жестокие испытания. Тем не менее, Лир вспомнит голос Корделии и провозгласит свое общее превосходство. Он соединяет две важные составляющие – различие и типичность – в ценности характера: «Ее голос был всегда мягким,/Нежным и низким... прекрасная вещь в женщине».

Эпиграфом следующего эссе стало высказывание на латинском языке: «Конец венчает работу (Finis coronat opus)». И далее в пьесе проанализированы другие шаблоны развития характера. Их можно исследовать вне маскировки, в рамках утверждения образов или преобладания в рамках текста. В данном случае Эдмунд использует (без веры) понятие исторической обусловленности. «Человек существует, пока существует время», – замечает он своему капитану после победы в Британии: «Быть нежным/Не становиться мечом». Не все символы одинаково важны. Для Эдмунда это другое дело. Он привлекателен (как уверяет нас Гарольд Блум), его желают и злые сестры, и другие. Время вступает в схватку с ним перед смертью от руки брата – финальный и удивительный переход к добрым намерениям. Автор задается вопросом: «Стоят ли и Шекспир, и природа на стороне Эдмунда? Должны ли мы? Имеет ли смысл осуждать его за суждение о двух жизнях?». И далее сам констатирует: «Для меня привлекательность Эдмунда является теоретической. Он освещает проблемы стабильности и перемен в плане характера и этического суждения. Кто мог подумать, что в этом молодом человеке было так много хорошего? Его преобразование в Акте 5 удивительно не только само по себе, но и как прелюдия к более заметным переменам в Лире. Они разделяют крайности в отношении к Корделии. Тем не менее, в финале именно Эдмунд, неожиданно нежный, вводит «нового короля Лира», который выводит свою безмолвную дочь на сцену и снова просит ее слова. По завершении пьесы Король Лир поднимает основные проблемы характера, постоянства и перемен. В данном случае автор утверждает, что игры изменения характера напрямую связаны с процессами, в которых персонажи получают или теряют признание. Их голоса борются в драматическом контексте времени.

По словам автора, людям нравится смотреть на человеческий характер как на стабильный, как нечто зафиксированное в природе. На самом же деле, полагает литератор, это не так. Он растет, формируется или реконструируется в соответствии с веяниями времени. В итоге представление о том, что герой может меняться, сохраняя четкую идентичность, имеет решающее значение для литературы. Как заметил Пол Рикер, можно различать идентичность как однообразие и самобытность или индивидуальность. В этом смысле характер не является однозначным образованием. Он становится идентификатором продолжающегося согласования между стабильностью и изменением. Этическое же суждение должно быть гибким и терпимым к внезапным изменениям. Данный подход может придать ему привлекательность, как к примеру Эдмунду. Литературной интерпретации не чужда широта суждения. Данная практика поощряет разнообразие чтения, а не универсальный закон. Здесь, по иронии судьбы, образ предателя сводится к привлекательной функции персонажа, а его смерть дает эстетическую перспективу королевским персонажам, которых он пытается убить.

Образ Эдмунда становится отличным доводом в пользу литературного сюжета, строящегося по эталонам этики. Он не является ни центром, ни периферийной зоной этой проблемы. Эдмунд, но не король Лир, может узурпировать многие вещи. Это его собственный путь, его «хлеб». Поэтическая же справедливость остается своего рода справедливостью для Эдмунда.

Поворот к позитивизации финала у Албани только усиливает презрение к этому персонажу и готовит нас к более убедительным преобразованиям в отношении Лира. Итог для обоих совершенно разный. Каждый приходит к выражению этического восприятия по-своему, ссылаясь на признак измененного характера. Такие знаки не должны быть ошибочными, так как именно они формируют глубокое понимание непрерывности персонажей в пьесе. Иначе говоря, суждения об одном персонаже не создаются вне суждений о других персонажах. Чтобы отметить бессилие Эдмунда, даже в его последнем этическом голосе, необходимо обратить внимание на силу Лира и Корделии в финале пьесы. Обращение к эстетическим качествам, разумеется, не может противостоять другим суждениям, даже если действия и высказывания этичны. Один язык суждения не может вытеснить другие условия. Тем не менее, по словам автора, Король Лир концентрирует на себе профессиональные усилия исследователей. Майкл Холахан утверждает, что исследователи могут отрицать Эдмунда, даже оценивая его эстетические достоинства, тем не менее именно он становится инструментом игры. Литературные критики, отличающиеся от Харли Гранвиль-Баркера и Стивена Гринблатта, отметили странный круговорот в «Короле Лире». Действия в пьесе открываются и закрываются молчанием Корделии, которую автор рассматривает как этическую ценность. Именно она воздействует на короля Лира.

Два молчания радикально отличаются друг от друга, однако эти различия являются центром драматического действия, языка и сцены. Они интенсивно сливаются в общие черты речи и визуального восприятия. Старик наклоняется над телом дочери, отчаянно желая почувствовать признаки неслышимой речи или дыхания. Теперь его беспокойство меньше, и он умирает с ощущением чего-то недосказанного о Корделии (за исключением места). Ее характер проявляется только в актерской мимике прошлой жизни, в поразительном союзе смерти и театральной иллюзии. Автор пишет: «Шекспир реконструирует свой замысел, чтобы этот последний вопрос и команда простирались от сценических групп до нас как читателей или зрителей. Нас просят посмотреть и сказать, что увидели. А для того, чтобы сделать это, мы должны увидеть губы Корделии, муки ее отца и нашу собственную способность к состраданию. Этическое суждение является контекстуальным. Оно включает в себя объект оценки, влияние заинтересованных лиц и навыки оценивания».

Существует большая разница между физическим состоянием и образом персонажей. Это понятно по Глостеру, который не начал видеть, пока не лишился зрения. И Лир, в свою очередь, вливается в «безглазую ярость» шторма, но его мучения открывают ему новое видение Корделии. В конце концов он выходит за рамки феодализма, не потому, что общество не имеет значения. Во главе этого общества он часто разрушает узы крови, добрососедства и жалости. Феодализм перестает действовать как образ социальной структуры. Литератор анализирует действия Лира, сопоставляя его внутренний мир и внешние факторы воздействия: «Лир может предвидеть безумие. Он может представить длительное тюремное заключение, если Корделия там. Ее фактическая смерть – другое дело. Его властный темперамент все еще выражает себя в абсолютном суждении: «Я знаю, кто мертв, и кто жив/Она мертва как земля». И далее продолжает: «Этическое суждение в «Короле Лире» возвращается к литературному характеру. Каждое из них является матрицей для другой. Это не вопрос моральной аллегории или греческой этимологии, а взгляд на драматические действия. Драма позволяет нам наблюдать процесс, в котором построение персонажа нельзя отделить от суждений, сделанных персонажами друг о друге. Мы видим, что этос – это этика». Таким образом, автор детально анализирует сюжетную композицию литературного произведения, составляя посыл от теории к практике.

Контрольные вопросы:

1. В чем заключаются литературные особенности XX века?
2. Как описывает Майкл Холахан литературные характеры в Короле Лир?
3. Как работают приемы в построении персонажа в Короле Лир? Как влияет голос на внутренний мир героев?
4. В чем заключается риторическая традиция по мнению Холахана?

Книга: Теория литературы: Антология, том I

Лекция: 10. Теория на практике: «Посмотри, ее губы»: мягкость голоса, построение образа в «Короле Лире»

Список рекомендуемых ресурсов:

1. Джули Ривкин и Майкл Райан. Теория литературы: антология. Третье издание. стр. 75 – 98.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>
3. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/674461>